22.04.2021 20:28:00

Российская Фемида за решеткой не в авторитете

Верховному суду пришлось опять вмешаться в споры адвокатов и тюремщиков

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: юстиция, верховный суд, фсин, запреты, адвокаты, осужденные, права

On-Line версия



Расширению пространства цифрового правосудия мешают внутренние правила колоний. Фото с сайта www.vsrf.ru

Верховный суд (ВС) пояснил, что сотрудники Федеральной службы наказаний (ФСИН) не вправе отбирать телефоны у адвокатов, которые прибывают в колонию на выездные судебные заседания. Ранее ВС уже распорядился допускать защитников с любыми гаджетами к клиентам из числа заключенных, но получается, не закрыл все лазейки для запретов. Юристы подтвердили «НГ», что они часто судятся с ФСИН из-за препятствий в общении с подзащитными. Отечественная Фемида для тюремщиков по-прежнему не авторитет, а потому, пока не изменится закон, за решеткой будут придерживаться своих внутренних правил.

ВС заступился за курского адвоката Евгения Колесникова, которого не пустили на выездное заседание суда в колонию из-за отказа сдать телефон. Тюремщики сослались на свои внутренние правила и устные установки начальства.

Защитник настаивал в судах, что эти действия, из-за которых он так и не попал на заседание, были незаконными, но не мог добиться правоты, пока не обратился в ВС. Ранее в своих определениях от 2017 и 2018 годов тот уже указывал, что юристам не может быть отказано в пользовании фото-, видео- и аудиотехническими средствами на встречах с клиентами. Потому что общий запрет «не распространяется на адвокатов при свиданиях с осужденными для оказания им юрпомощи».

Администрации колоний трактуют такое указание ВС по-своему: мол, раз буквально не написано, что адвокат имеет право пройти в колонию с телефоном для участия в судебном заседании, значит, это запрещено. И нижестоящие судебные инстанции согласились, что «отсутствие у Колесникова средств мобильной связи не могло негативно отразиться на качестве оказания юрпомощи осужденному».

Так что теперь ВС был вынужден еще раз напомнить, что требование пенитенциарных учреждений – сдавать запрещенные предметы, к которым относятся и мобильники, касается обычных посетителей, а не адвокатов. ВС также сослался на ст. 241 УПК – все лица, присутствующие на открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись, в том числе на телефон. «Таким образом, законодательство РФ не содержит запрета для адвоката, прибывшего в

исправительное учреждение для участия в судебном заседании, иметь при себе средства мобильной связи, которые могут быть использованы в том числе для фиксации хода судебного заседания», – рассудил ВС.

Однако эксперты считают, что вопрос о допустимости пропуска адвоката на территорию колонии с мобильным телефоном в руках будет возникать вновь и вновь, пока не появятся соответствующие ведомственные приказы по линии Минюста или ФСИН либо не будут внесены изменения в законодательство. То есть хотя решения ВС и носят обязательный характер, но на местах они зачастую игнорируются, особенно когда речь идет о конкретных делах. Сотрудники ФСИН, возможно, и учтут позицию Фемиды, но поскольку она ими не руководит, то более авторитетны для тюремщиков положения их внутренних регламентов и распоряжения начальства.

Руководитель уголовной практики BMS Law Firm Александр Иноядов подтвердил, что эта «важная гарантия обеспечения права на защиту» должна быть дополнительно зафиксирована в законодательстве. Он пояснил, что позиция ВС по конкретному делу действительно не меняет нормативные акты, которыми руководствуются в колониях. Как напомнил «НГ» адвокат Константин Мусман, и ранее сотрудникам ФСИН было предписано допускать адвокатов к их доверителям, находящимся на территории колонии, без изъятия мобильных телефонов или ноутбуков, потому что это «нормы УПК, которые, как правило, воспроизводятся и в правилах внутреннего распорядка». По его мнению, в данном случае заявитель столкнулся с вполне возможной ситуацией, когда «один из руководителей местного органа ФСИН мог по своему усмотрению и совершенно незаконно привести к единообразию правила посещения колонии и СИЗО лишь для того, чтобы придать себе видимость «носителя высшей власти» в стенах этого заведения». И, как показывает практика, подобные нарушения тюремщикам чаще всего сходят с рук. А те решения судов, которые по этому поводу все-таки принимались, не привели к повсеместному изменению практики работы учреждений ФСИН.

По словам управляющего партнера юркомпании AVG Legal Алексея Гавришева, сотрудников колоний, как правило, мало интересуют нюансы проведения дистанционных судебных заседаний. Однако дело еще и в том, что ограничения применяются избирательно: досконально и с пристрастием шерстят карманы и сумки адвокатов и родственников заключенных, в то время как следователи и оперативные сотрудники проходят без досмотра. Позиция ВС, считает эксперт, будет проигнорирована на местах, поскольку «так удобнее», а наказания за это они скорее всего не понесут. Член Ассоциации юристов России Дмитрий Уваров позицию ФСИН объяснил «отсутствием каких-либо определенных разъяснений на этот счет». Кроме того, заметил он, до настоящего времени так и не введены специальные нормы ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности. Управляющий партнер юридического «Легес-Бюро» Мария Спиридонова тоже считает, что определение ВС имеет значение для судебной практики, но сомнительно, что работники колоний прислушаются к этому решению. Судебная же практика по данному вопросу будет играть роль в других разбирательствах, однако в России нет прецедентного права. По ее мнению, «безусловно, необходимо закрепить спорные вопросы законодательно», тем более что ВС обладает правом законодательной инициативы».

«В течение последних лет осужденные и адвокаты вынуждены буквально отвоевывать в судах возможность проводить свидания в условиях, которые им гарантированы законом», – сказал «НГ» управляющий партнер санкт-петербургского офиса коллегии адвокатов Pen & Paper Алексей Добрынин. Он считает, что без изменений закона все это продолжится: «При отсутствии четкой нормы, разрешающей адвокатам использовать соответствующие устройства, сотрудники администрации будут и далее ссылаться на правила внутреннего распорядка». На эти же правила будут ссылаться и органы следствия, отказывая в квалификации подобных действий сотрудников ФСИН как воспрепятствование адвокатской деятельности. «Если и дальше будут проводиться судебные разбирательства в помещениях органов внутренних дел, исправительных колоний или других объектов, на которых действует особый режим охраны, то возникнут вопросы об открытости подобных заседаний, о доступе любых лиц. В том числе и о соблюдении гарантий прав участников процесса на справедливое разбирательство, равноправие сторон, тайну постановления судебного решения», – пояснил Добрынин. И тогда можно ожидать судебных споров относительно обоснованности проведения заседаний не в суде, а в других местах, особый правовой режим работы которых может привести к нарушению прав участников судопроизводства. n

Советник Федеральной палаты адвокатов РФ Игорь Пастухов считает, что ВС своим решением в очередной раз подчеркнул: условия посещения мест лишения свободы адвокатом в целях выполнения профессиональных обязанностей не могут и не должны регулироваться так же, как условия посещения этих учреждений, например, родственниками. По его словам, в правилах внутреннего распорядка, утвержденных приказом Минюста от 16. 12. 2016 (№ 295), вообще отсутствуют положения, регламентирующие участие осужденных и иных лиц в мероприятиях, проводимых другими организациями на территории исправительного учреждения. И сотрудники колонии сослались на то, что раз отдельных правил для пропуска лиц, участвующих в таком заседании, нет, значит, по их мнению, должны применяться общие нормы проведения свиданий. «Эта позиция оказалась внутренне противоречива. Если применять норму о проходе адвоката для свидания с подзащитным, то, как правильно указал ВС, действует правовая позиция, изложенная в решении ВС от 10. 11. 2017: запрет на пронос на свидание с осужденным фотоаппаратов, кинокамер, видео – и аудиотехники, мобильных телефонов не распространяется на свидания с адвокатом. А если заявлять, что адвокат прибыл не на свидание, а для участия в судебном заседании, то при чем тут запреты, установленные для свиданий», – подчеркнул Пастухов.

По его мнению, рассматриваемый случай, к сожалению, демонстрирует нежелание не только рядовых сотрудников, но и руководства учреждений ФСИН принимать решения исходя из смысла законодательства в тех случаях, когда отсутствуют прямые нормы инструкций и правил. И с их позиции лучше отказать, чем разрешить, если разрешение прямо не предусмотрено. Ведь даже если за это и накажут, то, скорее всего, мягче, чем за неправильное разрешение. Впрочем, подтвердил эксперт, вероятность наказания не слишком велика. «Но если для сотрудников исполнительной власти такое поведение хотя бы понятно, то особенное сожаление вызывает то, что применять нормы, исходя из замысла законодателя, отказываются и судьи – и не только первой, но и даже кассационной инстанции. Если законодатель предоставляет сторонам процесса право использовать средства аудиозаписи, то как можно судье заявлять, что «отсутствие у Колесникова средств мобильной связи не могло негативно отразиться на качестве оказания юридической помощи осужденному»?

«Судебная власть в данном случае, пусть и не быстро, но выполнила возложенную на нее задачу – дала оценку решению представителей власти исполнительной. Но при этом возможности суда ограничены процессуальным законом. Он не позволяет суду самостоятельно принять решение за орган исполнительной власти, как не позволяет по искам данной категории давать указания об изменении нормативных актов. Статья 227 Кодекса административного производства РФ позволяет суду дать в решении указание на необходимость его опубликования в определенном официальном печатном издании. Но ни ФСИН, ни Минюст официальных печатных изданий не имеют», – пояснил «НГ» Пастухов.